

ЭТНОЛОГИЯ

И.В. Абрамов

Институт истории и археологии УрО РАН
ул. Софьи Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990
E-mail: ilya_abramov@list.ru

ОЛЕНЕВОДСТВО КАК СТРАТЕГИЯ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ МАНСИ: ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И УГАСАНИЯ¹

Рассматривается становление горно-таежного отгонного оленеводства у сосьвинско-ляпинских манси как переход к новой стратегии жизнеобеспечения. На архивных материалах показано, как олень становится важным элементом хозяйства; доказывается, что конфигурация поселенческой сети, а также социальные связи между этническими группами детерминированы оленьей мобильностью. Описываются пространственные отношения, выстроенные вокруг практик отгонного оленеводства, и ситуации, в которых олень определял географию, частоту и периодичность социальных контактов. Тропы оленеводов представлены как важная часть культурной традиции и местного ландшафта. Даны основные вехи оленеводства советского периода в контексте преобразований сельского хозяйства, представлен обзор ситуации в настоящее время, объяснены причины упадка транспортного оленеводства в таежной зоне во второй половине XX в.

Ключевые слова: оленеводство, мобильность, манси, жизнеобеспечение, социальная сеть, Северная Сосьва.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-39-4-104-113

Введение

Широкое распространение практики отгонного оленеводства в Сосьвинском Приобье стало следствием «олeneводческой революции» XVII–XVIII вв. в тундрах Евразии и общего социально-экономического развития Тобольского Севера [Головнев, 2004, с. 87–91]. Торговля росла быстрыми темпами, подстегивая пушной и рыбный промысел и все более втягивая аборигенное население в товарную экономику. Как заключил А.И. Пика, оленеводство в регионе распространялось со скоростью истощения запасов соболя [1982, с. 15]. Олень стал не только главной тягловой силой Нижнего Приобья, но и системообразующим элементом культуры. Произошла переориентация части мансийских хозяйств на занятие оленеводством, что рассматривается как адаптация к меняющимся экологическим и социальным условиям. Цель статьи — раскрыть феномен отгонного мансийского оленеводства в динамике: от новационной стратегии жизнеобеспечения в XVIII в. до малозначимой отрасли производства в XX в., показать социальный эффект оленьей мобильности и губительные для оленеводческой культуры последствия преобразований советского периода.

Оленеводство как инновация

По горным притокам Оби не раз проследовали мигрирующие из-за Урала группы финно-угров. Северная Сосьва была удобным путем с гор на Обь. Неизбежное в процессе таких переселений частичное оседание мигрантов и их растянутость в пространстве формировали группы и основные оси культурных связей, обусловленных родством и соседством [Перевалова, 2004, с. 138–151]. Верхняя Сосьва традиционно тяготела к Лозьеве и Пелыму, Ляпин — к Печоре и Сыне, Нижняя Сосьва — к Оби и Казыму. В XVIII–XIX вв. складывается сосьвинско-ляпинская группа манси при участии ненцев и хантов Северного Приуралья [Соколова, 1979, с. 112–130].

С оседающими на Ляпине ненцами связано проникновение практики отгонного оленеводства в Сосьвинское Приобье и всей оленеводческой культуры как технологии: с мобильным жи-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 16-31-01078 «Коренные малочисленные народы (манси и нагайбаки) в этномозаике Урала» (рук. С.Ю. Белоруссова).

лищем, всепогодным и всесезонным транспортом, навыками работы с большими стадами оленей. Многие мансийские фамилии с р. Ляпин (Анямовы, Сайнаховы, Хатанзеевы, Хозумовы и др.) имеют ненецкие корни и относятся к роду Ёрнкол-махум (с манс. ёрнкол — ненецкий чум) [Источники..., 1987, с. 186; Соколова, 1983, с. 16–19].

По всей видимости, первое фактическое наблюдение ляпинских оленеводов в горах Северного Урала сделали инженеры Горной экспедиции в 1834 г., встретив остяка Григория Газемова со стадом в истоках р. Щугор [Стражевский, 1835, с. 204]. В 1847 г. благодаря экспедиции Русского географического общества стал известен остяк Алексей Богатый (Хозумов) из Хурумпауля, единственный оленевод на пространстве от Вишеры до Щугора, который смог обеспечить трансфер экспедиции по хребту, имея около 800 оленей и необходимое количество работников [Гофман, 1856, с. 12, 59]. Хозумов знал вершины и перевалы на всем 500-километровом протяжении маршрута экспедиции 1847 г. Это отличало его от большинства малооленных лозьвинско-сосьвинских оленеводов, которые выходили на Урал на широте своего селения и, сделав небольшую петлю по горам, спускались прежним путем.

Таким образом, меридиональное движение по Уралу было не только возможным, но и привычным делом для крупных оленеводов. Они могли перемещаться по хребту в поисках новых пастбищ или удаляясь от очагов эпизоотий. В XIX в. место ненцев на горно-уральской магистрали заняли коми-ижемцы (зыряне), которые двигались с перенаселенной Печоры за Урал. Они оптимизировали ненецкие практики выпаса и структуру стада для увеличения товарности [Повод, 2006, с. 70–85]. Развитие оленеводства на Печоре тормозилось недостатком пастбищ, что вызвало миграцию в соседние регионы. Верхнее течение Ляпина стало одним из мест первичного сосредоточения коми мигрантов в Сосьвинском Приобье, где они компактно расселились среди ляпинских манси, почти не смешиваясь с ними. Давление на прилегающие горные пастбища и лесные угодья заметно выросло, порождая постоянные конфликты. Конкуренция несколько подхлестнула развитие мансийского оленеводства, хотя оно так и осталось транспортным.

Во второй половине XIX в. практика отгонного оленеводства продвинулась максимально далеко на юг по Уралу, достигнув хребта Кваркуш на широте Чердыни. Манси Северной Сосьвы в конце XIX в. реколонизовали верховья Лозьвы и Пелыма, почти полностью заместив здешние мансийские фамилии [Источники..., 1987, с. 14–15]. Кроме верховьев Лозьвы и истоков Пелыма оленеводство из бассейна Северной Сосьвы далее на юг не продвинулось — среднепелымские и верхнекондинские вогулы по-прежнему ходили на лыжах с ручными нартами, в которых запрягали собак. Лошади не использовались по причине малого количества лугов и трудности проезда [Куклин, 1938, с. 217]. Эти факторы сильно ограничивали радиус действия охотников, так как промысловая охота напрямую зависела от тягловой силы.

Олени значительно увеличивали площадь охватываемых промыслом угодий. Коми-ижемцы ездили с Ляпина под Няксимволь, преодолевая более 400 км в один конец, где не только охотились, но и выменивали у манси пушнину на выделанные олени шкуры. Активность коми стала настолько чувствительной для пушных ресурсов верхней Сосьвы, что землеустроители в 1929–1930 гг. констатировали: «Зырянское население не считается с сохранением вида, необходимо принять меры к обузданию охотников, располагающих прекрасными средствами передвижения [оленьями]» [Материалы..., т. 1, л. 272].

В свою очередь, манси Тапсуя (юг Сосьвинской волости) во многом благодаря наличию упряжного транспорта распространили свое влияние на юго-восточных безоленных соседей. В конце XIX в. они «начали насильственный захват верховий Конды, являющихся вотчинами малососьвинских хантов» [Куклин, 1927, с. 20]. Тапсуйские манси, по мнению С.А. Куклина, целенаправленно охотились на бобров из-за ценной «бобровой струи», в то время как у хантов зверь был табуирован, производили систематическое выжигание боров с целью привлечения лосей и оленей на затягиваемые молодой порослью горельники. У хантов верховьев Малой Сосьвы, пытавшихся завести оленей, всякий раз их разгоняли и съедали медведи [Там же, с. 24]. Результатом посягательств на чужие угодья стали весьма напряженные отношения, которые только усилились в начале XX в., когда в эти края устремились русские охотники с Конды и Пелыма.

Отгонное оленеводство в ритмах и цифрах

Приполярная перепись 1926–1927 гг. впервые показала объективную картину оленеводства Тобольского Севера и специфику оленных хозяйств. Население Березовского района статистика поделила на кочевое и полусоседное. Первые были чистыми оленеводами, круглый год кочуя

со стадом, вторые пользовались оленями лишь зимой, а услугами оленеводов-пастухов — летом. В 1927 г. в бассейне Северной Сосьвы было 578 оленних хозяйств, в которых имелось 25 590 голов. Всего хозяйств насчитывалось 1315, т.е. практически каждое второе имело оленей, что указывает на массовость их использования в качестве транспорта [Список..., 1928, с. 25]. Лошадей по Сосьве держали мало, в основном в нижнем течении. Половина всех оленей принадлежала жителям Саранпаульского сельсовета, при этом на 28 кочевых хозяйств приходилось 5895 оленей, а на 213 полуоседлых — 7687 голов, в среднем по 211 голов и 36 голов на хозяйство соответственно [Оленеводство..., 1930, с. 4–5]. В Няксимвольском сельсовете, состоящем на три четверти из манси, в 1935 г. было учтено 3797 оленей на 186 хозяйств (в среднем по 20 оленей на хозяйство). Только стада более чем в 300 голов позволяли жить за счет одних оленей. Этой желанной черты достигали немногие; регулярные эпизоотии (в среднем раз в 10 лет) среди домашних оленей оставляли владельцев ни с чем, «а пристрастие к водке и доверчивость разорили не одного богатого вогула-олeneвода» [Кузнецов, 1888, с. 17].

Домашние олени у манси прежде всего обеспечивали повседневную зимнюю мобильность (доля ездовых оленей в стаде 75–85 %), в то время как на нужды хозяйства и для пропитания добывались дикие олени. У ижемцев Ляпина домашний олень равномерно обеспечивал потребности в мясе, шкурах и транспорте, доля ездовых оленей не превышала 35–45 % [Оленеводство..., 1930, с. 4–5].

В 1929–1930-е гг. землеустроителями были выделены типы оленеводства для Березовского района, который включал тогда бассейн р. Казым: 1) тундрово-таежный; 2) горно-таежный; 3) мелко-таежный; 4) крупно-таежный [Материалы..., т. 2, л. 38]. Первый тип был характерен для зырян Саранпауля и окрестностей Березова: кочевые маршруты составляли до 700–1000 км от Оби до открытых тундр в Припечорье, стада насчитывали до 2000 голов, специализация хозяйств — мясо-шкурная. Горно-таежный отгонный тип был распространен по всей Северной Сосьве: собранные в 400–1200 голов стада уводили на горные пастбища, маршруты достигали 300 км. Локально-таежные типы были характерны для хантов правобережья Оби и отличались короткими касланиями в лесной зоне и использованием в качестве летних пастбищ водораздельных болот.

Отгонная практика была самой массовой в Сосьвинском Приобье, являясь частью комплексного таежно-предуральского типа хозяйствования, включавшего в себя также рыболовство с летними миграциями на Обь и зимнюю промысловую охоту [Головнев, 1993, с. 128]. В период активного снеготаяния оленеводы уже были в горах, на западных склонах, а с началом жары перемещались к осевой части гор, к нетающим снежникам. В конце августа переходили на осенние пастбища восточного склона. В сентябре — октябре спускались в предгорья и двигались на зимовку к богатым ягелем урочищам. Круг замыкался.

Тропы, ландшафт и социальные сети

Оленеводство существенно скорректировало систему мобильности в Сосьвинском Приобье. Система в данном случае понимается как комплекс социальных отношений и материальной инфраструктуры передвижений [Урри, 2012, с. 24, 83]. Олень значительно сократил транспортные издержки по сравнению с собачьей упряжкой, которой осталась роль локального транспорта. Нартенные дороги надежно связали труднопроходимое пространство заболоченной тайги Приобья. Отгонные тропы использовались в межсезонье (апрель — май, октябрь — ноябрь) и имели субширотное простираие, зимние пути, наоборот, были приурочены к речным долинам и обеспечивали межбассейновые передвижения вдоль Уральского хребта.

Отгонное оленеводство привело к полному освоению тундровой зоны и темнохвойной тайги предгорий, в которой были прорублены отгонные тропы. Практически каждый *лауль* по Северной Сосьве пробил до гор собственную оленную тропу. «У каждого оленщика имеется своя вершина, свои стоянки, которые переходят из рода в род, от отца к сыну» [Варсановьева, 1929, с. 97]. Западный склон (бассейн верхней Печоры) был организован совершенно иначе в хозяйственном отношении — там оседло жили русские и коми, локальные земледельцы, охотники и рыболовы.

Густота троп представляется важным показателем укорененности на территории, являясь основополагающей чертой подвижных аборигенных культур. Из глубоких взаимоотношений с землей предлагает выводить понятие укорененности Т. Инголд [Ingold, 2000, p. 148–161], что перекликается с идеей Л.Н. Гумилева о кормящем ландшафте. Уникальный ландшафт формирует особые обстоятельства социальной жизни и культуру отношений, основанную на общем опыте проживания в одних и тех же местах и путешествий по одним и тем же тропам. Угорской

Оленеводство как стратегия жизнеобеспечения манси: факторы возникновения и угасания

культурой «взращен» образ кормящей матери-земли, с которой через духов-хранителей мест связаны все живущие на земле звери и люди. Пользование ресурсами животного мира возможно только при согласии сторон и обременено обязательствами по сохранению биоразнообразия. Следование тропами предков означает продолжение отношений с землей, неразрывную связь поколений и культуры жизнеобеспечения, что является этногенерирующей практикой. Для пришедших в зауральскую тайгу русских тропы имели исключительно утилитарный смысл. О разнице в подходах писал В.Н. Чернецов, отмечая экспедиционный характер промысла русского охотника, в то время как манси путешествовал налегке, поскольку всякий уголок ему знаком и отмечен памятными событиями [Источники..., 1987, с. 181–182]. Оставляемые по разным случаям на деревьях знаки — *катпосы* — прямое свидетельство проживания пространства, его включенности в повседневную жизнь населения восточного склона Урала.

При обилии всевозможных дорог и троп, натаптываемых поколениями звероловов, рыбаков и оленеводов, немногие из них являются «говорящими» в масштабе этнической группы, заселяющей большую территорию. Нартовые дороги в густой тайге Приобья являются исключением, поскольку достаточно широки (3–4 м), протяженны и устойчивы во времени от многолетнего вытаптывания копытами. Сегодня еще прослеживаются тропы, которыми перестали пользоваться 20–30 лет назад, живы оленеводы, которые могут указать их назначение.

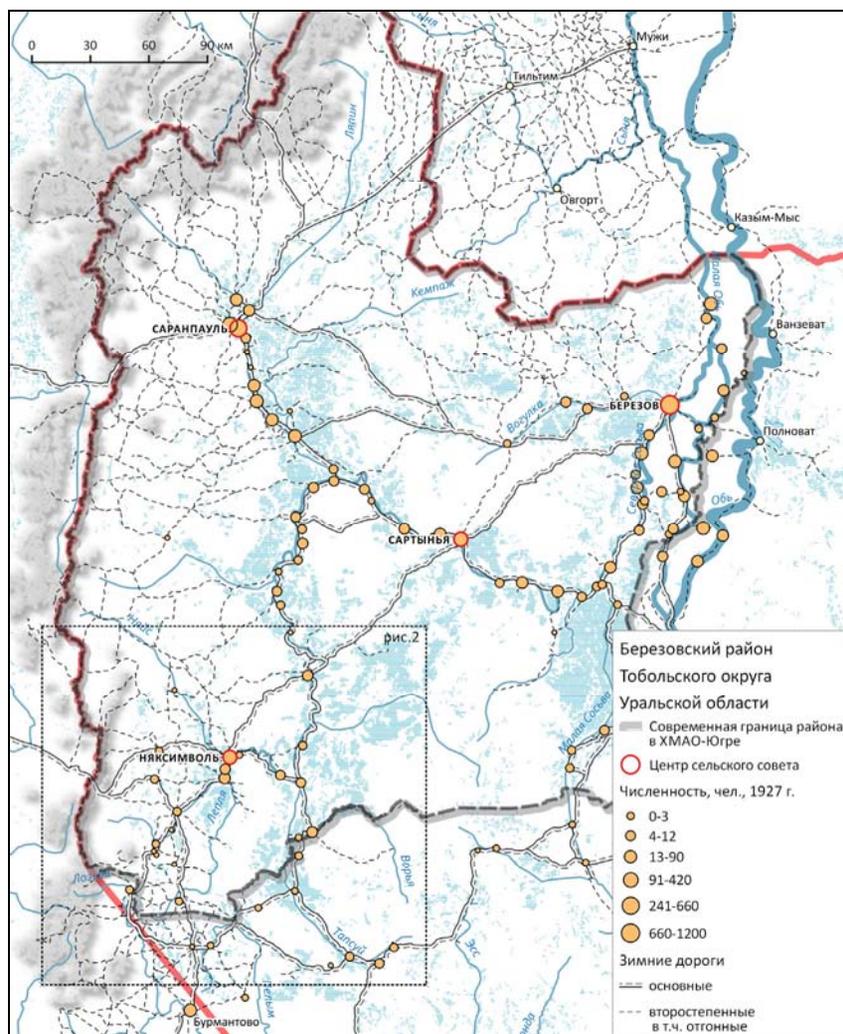

Рис. 1. Поселенческая сеть и зимние дороги Сосьвинского Приобья в 1920–1930-х гг.

Основные оленные дороги таежного Зауралья были отмечены при землеустройстве в начале 1930-х гг., а позже отражены на топокартах, что дало возможность их реконструировать с опорой на архивные материалы [Лискевич, 2012, с. 106–107; Материалы..., т. 2, л. 48–57]. Важ-

ность карт 1930-х гг. заключается в том, что зафиксированы дороги, которые были проложены оленеводами самостоятельно до укрупнения поселенческой сети при полном отсутствии механического транспорта [Схематическая карта..., л. 3]. Два главных зимних тракта пронизали Сосьвинское Приобье насквозь: от Березова через Няксимволь на Горнозаводской Урал и с Печоры через Саранпауль в Березов. От них ветвилось множество второстепенных путей (рис. 1).

Плотность зимних дорог дает наглядное представление о тяготении оленеводческой инфраструктуры к Уралу, о ее неразрывности от верховьев Пелыма и Лозьвы на север до Саранпауля и далее вдоль хребта. Практика отгонного оленеводства объединяла левые притоки Оби — Лозьву, Северную Сосьву, Сыню в пространство единой транспортной культуры, что во многом определяло и кровную близость угорских групп Приуралья.

Увеличение масштаба (рис. 2) показывает, как оленеводство организовывало пространственные отношения на локальном уровне. В Няксимвольском туземном совете для сбора общего стада группировались селения (3–4 хозяйства) территориально близкие и/или связанные родством [Материалы..., т. 2, л. 49].

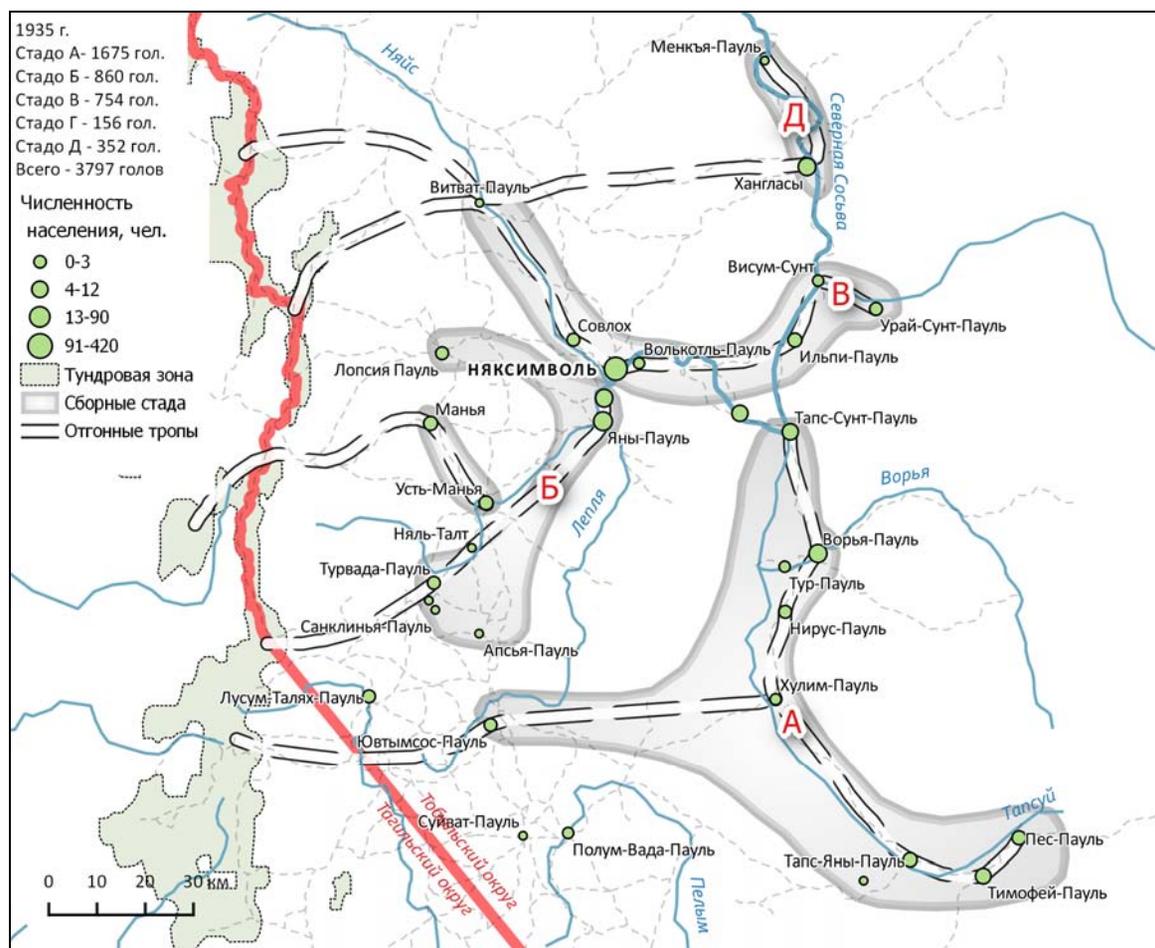

Рис. 2. Группы селений Няксимвольского тузсовета по выпасу оленей, 1935 г.

Срабатывал, по всей видимости, и обратный принцип, когда удобная отгонная тропа на Урал или транзитная зимняя дорога формировали хозяйственную группу из достаточно удаленных друг от друга селений, например, тапсуйских и верхнелозьвинских манси (стадо А на рис. 2). С Тапсуя на Урал не ходили, передавая оленей на попечение подгорным манси. В результате такой специализации возникла бартерная схема, когда тапсуйцы меняли мясо диких оленей и лосей на домашних оленей. За домашнего оленя весом в 5–7 пудов давали 12–16 пудов лосятины [Куклин, 1927, с. 24].

Оленеводство как стратегия жизнеобеспечения манси: факторы возникновения и угасания

Оленняя мобильность структурировала поселенческую сеть в приуральской полосе: юрты — *норкол* (манс. зимняя изба), состоящие, как правило, из двух-четырех домохозяйств, располагались друг от друга на расстоянии двух-трех попрысков (отрезки безостановочной езды на оленьей упряжке, около 10 км), что обеспечивало баланс между досягаемостью соседей и обособленностью собственных угодий, центр которых и обозначали избы-юрты. Подобная структура расселения была очень динамичной во времени: малые *паули* возникали и исчезали, практически не оставляя никаких следов в пространстве и истории. Изменчивость и мелкоячеистость поселенческой структуры делала ее трудноуловимой для статистики и картографии. Государственные ревизии ясачного населения вплоть до начала XX в. учитывали только крупные поселения, куда вписывались все окрестные инородцы.

Постоянно действующим драйвером,двигающим разреженное население друг к другу безотносительно к экономике (торговые отношения) и политике российской власти, было родство, по своей природе требующее регулярного обновления, встреч лицом к лицу, телесных контактов. Оленеводство в этом случае выступало и как причина (возможность), и как способ коммуникации. Крупные праздники, чествования богов, жертвоприношения, ярмарки, ясачный сбор были привязаны в основном к зимнему времени, когда сообщение между поселениями ускорялось и упрощалось.

Оленняя мобильность сама по себе способствовала расширению социальных связей и росту сетевого капитала, понимаемого как способность заводить и поддерживать социальные отношения с людьми, которые по большей части не находятся в близком соседстве [Урри, 2012, с. 360]. Широко распростертые социальные связи выступают контуром стабильности для этнической группы, обеспечивая свободу миграций и возможность в критический момент задействовать дальние связи и земли. Например, тесные контакты манси верхней Сосьвы, Лозьвы, Пелыма и Тавды (верхнесосьвинская группа манси) позволили в 1930–1940-е гг. перемещаться на оленях с реки на реку (из одного района в другой) через водораздел, избегая тем самым коллективизации и программы по оседанию кочующих хозяйств, которые в Остяко-Вогульском округе приняли широкий размах. Одна сосьвинская семья манси поселилась на притоке Лозьвы рядом с Бахтияровыми, взяв их фамилию и начав пасти оленей по соседству. Не будучи в кровном родстве изначально, они вскоре породнились [ПМА, 2010].

Показательна биография Александры Васильевны Анямовой 1938 г.р., ныне проживающей в д. Тресколье (Кероскол-пауль) на Лозьве. Она родилась на Тапсуе, а в 1950-е гг. властями с семьей была переселена в Няксимволь, где работала прачкой в школе-интернате. Оттуда ее фактически выкрал вольный оленевод с Пелыма. На родине мужа она встретила своих соседей по Тапсуе — манси Дунаевых, которые сразу сбежали на Пелым при попытке советских властей переселить их в Няксимволь [ПМА, 2011]. Таким образом, социальные сети, основанные на оленней мобильности, выручали в кризисных ситуациях. Они обеспечивали, с одной стороны, связность (культурное единство) сосьвинско-ляпинских манси, с другой — широту и открытость внешних контактов через водоразделы. Только когда не стало оленей во второй половине 1990-х гг., связи через водоразделы нарушились, в частности, лозьвинско-пелымские манси оказались в анклав, без возможности преодолеть водораздел на собственном транспорте.

Взлет и падение транспортного оленеводства

В 1930-х гг. частные олени Сосьвинского Приобья вошли по большей части в состав организованных коллективных хозяйств. В колхозах установился бригадный подряд, частников обязали скреплять отношения с пастухами письменным договором, который заверял сельский совет. Коллективизация, несмотря на жесткость, не привела к полному исчезновению частного поголовья. Более того, к 1950 г. излишняя категоричность в деле обобществления была признана губительной. В 1955 г. был установлен лимит для частного поголовья в колхозах: 120 голов в сельхозартелях и 80 голов в рыболовецких артелях [Докладные записки..., л. 6]. Но и эту квоту колхозники не заполняли, отрицательный эффект имели рекомендации выпастить личных оленей отдельным стадом и взимать с собственников плату за выпас. Укрупнение колхозов в 1953–1954 гг. привело к объединению стад: п. Саранпауль (14 362 общественных, 1556 личных оленей), д. Кимкьясуй (2794 головы), д. Шомы (2006 голов) и в райцентре Березово (9000 голов) [Материалы по укрупнению..., л. 3–73]. Еще раньше центрами объединения стали Няксимволь (около 4000 гол.) и Анеево (около 600 голов).

На фоне всех северных отраслей сельского хозяйства оленеводство отличалось повышенной доходностью, но экстенсивный характер ограничивал развитие. В середине 1950-х гг. чис-

ленность оленей в округе достигла рекордных отметок, в основном за счет крупностадного оленеводства Березовского района — в 1954 г. насчитывалось 51 198 голов (включая Казымские хозяйства), что составляло 84 % всего окружного поголовья [Докладные записки..., л. 35]. Проблемой стала нехватка пастбищ в горах и вытравленность основных ляпинских маршрутов.

В середине 1950-х гг. оленеводство решили рационализировать, перейдя от бытового кочевания к производственному — без семей, вахтовым методом. Маршруты стали оснащать стационарными коралями и избами, прорабатывать логистику производства и сокращать издержки (например, производство одежды переместили из чумов в поселковые цехи, сократив присутствие женщин в бригадах). Детей оленеводов в принудительном порядке отправляли в школы-интернаты. После очередной волны укрупнений 1960–1970-х гг. олени остались только в Саранпауле и Няксимволе: жизнеобеспечивающая и транспортная функция оленя резко пошла на убыль. Это совпало с ростом механизации транспорта после открытия газовых месторождений в Березовском районе. Укрупненные сосвинские поселки переходили на моторизованный транспорт и обрастали соответствующей инфраструктурой. Сравнительно высокооплачиваемая и статусная позиция совхозного оленевода оказалась в тени профессий эпохи освоения, куда более привлекавших сельскую молодежь: тракторист, дизелист, механизатор.

К 1980-м гг. в Няксимвольском госпромхозе осталась одна бригада: пастухи (в основном зыряне) жили в палатках и избах, в горы их забрасывал вертолет, обеспечивая посменный график. По словам бывшего пастуха манси Сергея Самбиндалова, к середине 1990-х гг. жить в горах без еды, связи, женщин и возможности подмениться стало невыносимо. Вернувшись зимой в поселок и раздав долги, пастух оставался ни с чем. В таких условиях стадо таяло, будучи единственным ресурсом прокормления пастухов. Когда в 1994 г. осталось 400 голов, а цех оленеводства вместо дохода приносил сплошной убыток (взлетели цены на топливо), назначенный управляющий (без оленеводческого прошлого) принял решение забить стадо, что было поддержано собственниками. Частное поголовье также пустили под нож, так как никто из госпромхозовских пастухов не согласился вести оленей в горы. Организовать выпас самостоятельно, без господдержки, как 70 лет назад, люди не решились; как говорят, «времена были не те, и было не до того».

В течение последующих 3–4 лет распустили стада и частные оленеводы манси верховьев Северной Сосьвы и Лозьвы. Все советские годы там сохранялось частное оленеводство, выступая своего рода вольницей для тех, кто не желал осесть и работать на пилораме или звероферме. Из-за труднодоступности и пограничности территории удавалось сохранять статус-кво, однако при внешнем образе самодостаточности оленеводы были полностью вовлечены в советскую экономику (лесозаготовка, промысловая охота, геологоразведка, функционирование исправительных колоний) и неформальные отношения, пронизывающие эти сферы [Божук, 2011, с. 254]. Крах производственной инфраструктуры в 1990-е гг. отразился кризисом в частном оленеводстве, который еще более усугубился, когда выяснилось, что молодежь, воспитанная в интернатах, не готова к возврату к традиционному (досоветскому) укладу и практикам самообеспечения. Таежное оленеводство, выдержавшее приход в тайгу советской индустрии, не выдержало ее ухода [Федорова, 2016].

Все перипетии 1990–2000-х гг. пережил только Саранпаульский совхоз (ГУП «Саранпаульский»), выйдя из полосы нестабильности с более чем двукратным сокращением бригад (с 10 до 4) и закрытием всех цехов, не связанных с оленеводством. В 2008–2016 гг. наблюдалась положительная динамика: поголовье выросло с 8 до 16 тыс. голов [ПМА, 2016]. Залогом выживания стал крупностадный характер местного оленеводства (до 2200 голов в бригаде), отсутствие конкурентов, претендующих на пастбища, семейный принцип организации труда и окружные дотации (1000 руб. за голову). Руководство сохраняет мягкую позицию в отношении частных оленей, пасущихся в совхозных стадах. Бригады состоят в основном из коми, только 4-я бригада считается условно мансийской, поскольку ее возглавляет манси Василий Ромбандеев. Основная проблема кадровая: оленеводство больше не расценивается местными коми и манси как жизнеобеспечивающая стратегия, поскольку предполагает более тяжелые условия жизни по сравнению с поселком.

* * *

За 70 советских лет полностью изменилась концепция отгонного оленеводства: от передовой стратегии жизнеобеспечения до маргинальной практики выживания; олень из главного двигателя региона превратился в увеселительный транспорт туристов. В постсоветских стратегиях жизнеобеспечения манси отгонным практикам не нашлось места не в последнюю очередь в

Оленеводство как стратегия жизнеобеспечения манси: факторы возникновения и угасания

связи с дискомфортом кочевания, тяжелым бытом. В этом отношении советская политика добилась своеобразного успеха — полной оседлости манси и соответствующих патерналистских настроений. Пространственно-организующая роль оленеводства для Сосьвинского Приобья была нивелирована реформами сельской местности 1940–1960-х гг. Внедренное производственное кочевание не стало устойчивой стратегией, поскольку опиралось не на культуру, а на индустриальную экономику, лишив тем самым оленеводство самостоятельности и сделав уязвимым для внешних воздействий. Об этноберегающей функции транспортного оленеводства заговорили, когда семейные традиции держать оленей прервались. Единственная попытка возрождения частного оленеводства у манси — проект «Новый олений дом» Ассамблеи представителей КМНС при Думе ХМАО — Югры на оз. Турват (2012–2016 гг.) закончилась неудачей.

Нараставшая в советский период централизация сельской инфраструктуры обеспечивалась механизированным транспортом и плановой экономикой. К 1980-м гг. олень был окончательно вытеснен из транспортных схем — упряжки исчезли из большинства сосьвинских поселков. При этом адекватной замены личного транспорта манси не получили. Социальные сети, которые держались за счет оленьей мобильности и были выстроены вокруг отгонных практик, разрушились или переключились на новые ресурсы. Утрата транспортного оленеводства привела к разрыву неформальных социально-экономических связей с соседними районами (бассейнами) в 1990-е гг. Разбросанные по тайге селения оказались в полной зависимости от автомашин и авиации, которые организует государство, руководствуясь собственными целями. Новый транспорт в целом предполагал совершенно иные схемы освоения пространства и социальные отношения. Испещренные в начале XX в. оленьими тропами водоразделы Сосьвы и Лозьвы, Ляпина и Сыни сделались к концу века пустынными. Невозможность воспроизводить опыт предков — «ходить теми же тропами» негативно отразилась на культуре манси. Парадоксально, что социокультурная изолированность коренных народов Северной Сосьвы (манси, коми-ижемцы, ненцы) в XX в. возросла, хотя жить они стали в больших полиэтиновых поселках, обеспеченных телекоммуникацией. Уровень наземной мобильности внутри Сосьвинского Приобья в постсоветский период значительно снизился, манси с верхней Сосьвы могут десятилетиями не видеть родственников с Ляпина из-за разрыва (фрагментации) социальных связей и низкой обеспеченности личным транспортом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Докладные записки о состоянии и мерах по подъему северного оленеводства в Ханты-Мансийском округе // ГАХМАО. Ф. Р231. Оп. 1. Д. 148. 146 л.

Материалы первоначального земельно-водного устройства Березовского района 1929–1931 гг. Т. 1 // ГАХМАО. Ф. Р43. Оп. 1. Д. 75. 419 л.

Материалы первоначального земельно-водного устройства Березовского района 1929–1931 гг. Т. 2 // ГАХМАО. Ф. Р43. Оп. 1. Д. 76. 262 л.

Материалы по укрупнению колхозов Березовского района с приложением схематических чертежей на 1953 г. // ГАХМАО. Ф. Р43. Оп. 1. Д. 994. 74 л.

ПМА, 2010 (Ушма), 2011 (Няксимволь), 2016 (Саранпауль).

Схематическая карта части Березовского района Остяко-Вогульского национального округа Омской области 1935 г. // ГАХМАО. Ф. Р43. Оп. 1. Д. 396. 3 л.

Литература

Боукал Т. Значение домашнего оленеводства и его исчезновения в культуре манси севера Свердловской области // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень, 2011. Вып. 4. С. 252–255.

Варсанюфьева В.А. Географический очерк бассейна Уньи (окончание) // Северная Азия. 1929. № 4 (28). С. 90–107.

Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: НГУ, 1993. 204 с.

Головнев А.В. Кочевники тундры. Ненцы и их фольклор. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 344 с.

Гофман Э.К. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой: Исследования экспедиции Русского географического общества в 1847, 1848 и 1850 гг.: В 2 т. СПб., 1856. Т. 2. 376 с.

Источники по этнографии Западной Сибири / Публ. подгот. Н.В. Лукина, О.М. Рындина. Томск, 1987. 284 с.

Куклин С.А. В верховьях рек Конды и Северной Сосьвы: (По материалам В.В. Васильева) // Урал. охотник. 1927. № 3. С. 19–25.

Куклин С.А. Звери и птицы Урала и охота на них. Свердловск, 1938. 240 с.

И.В. Абрамов

- Кузнецов Н.И.* Природа и жители восточного склона Северного Урала. СПб., 1888. 24 с.
- Лискевич Н.А., Шубнищина Е.И.* К вопросу о маршрутах кочевания оленеводов уральского севера в XIX — первой половине XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 106–117.
- Оленеводство* Тобольского Севера в цифрах: По материалам Приполярной переписи 1926–27 гг. Тобольск, 1930. 16 с.
- Перевалова Е.В.* Северные ханты: Этническая история. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 414 с.
- Пижа А.И.* Сосьвинские манси как этносоциальная общность (XVII–XX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. 21 с.
- Повод Н.А.* Коми Северного Зауралья (XIX — первая четверть XX в.). Новосибирск: Наука, 2006. 272 с.
- Соколова З.П.* Ляпинско-сосьвинская группа манси по материалам брачных связей в XVIII–XIX вв. // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 112–130.
- Соколова З.П.* Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв.: Проблемы рода и фратрии. М.: Наука, 1983. 319 с.
- Стражевский [Н.И.]* Отчет действий Северной Горной Экспедиции за 1834 году // Горн. журнал. 1835. Ч. 3. Кн. 8. С. 201–236.
- Список населенных пунктов* Уральской области. Свердловск, 1928. Т.12: Тобольский округ. 231 с.
- Федорова Е.Г.* Исчезающее (?) оленеводство // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2015 г. СПб., 2016. С. 306–313.
- Урри Дж.* Мобильности / Пер. с англ. А.В. Лазарева. М.: Праксис, 2012. 576 с.
- Ingold T.* The Perception of the Environment: Essays in Livelihood, Dwelling and Skill. L. and N. Y.: Routledge, 2000. 465 p.

I.V. Abramov

Institute of History and Archaeology
of Ural Branch RAS

S. Kovalevskoy st., Ekaterinburg, 620990, Russian Federation

E-mail: ilya_abramov@list.ru

THE MANSI REINDEER HERDING AS A STRATEGY OF SUSTENANCE: FACTORS OF ORIGIN AND DECLINE

This article examines the phenomenon of nomadic reindeer herding in the Severnaia Sosva river basin. This kind of reindeer herding was borrowed from the tundra nomadic Nenets and widely spread in the taiga zone due to its potential as a new strategy of sustenance. The rapid economic development of the region in the XVIII–XIX centuries intensified the fur industry, which also stimulated the introduction of reindeer sledge as the optimum system of movement in the snow period. Thus, due to reindeer herding the Mansi of the Severnaia Sosva basin received a means of transport. There was a specialization of some households: «mobilization» that has led to some reconfiguration of settlement network and economic migrations. The reindeer mobility contributed to the establishment of close cooperation between the traditional types of land usage and contributed to the cultural and ethnic integration in the Severnaia Sosva basin. The reindeer mobility fully provided social communication in winter, ubiquity and increasing speed of communications facilitated extensive cultural contacts with the neighboring territories. The communication network based on reindeer mobility could act as a safety contour at crisis, which preserved variability of adaptation strategies. The system of reindeer mobility after several stages of reforms in the Soviet period lost its transport function. Skin and meat production of reindeer herding (Komi type) was a major and technically developed area, while social and cultural functions of the reindeer herding for indigenous peoples were ignored. The planned economy demanded only large reindeer herd economy of the Komi and small and disperse reindeer husbandry of the Mansi declined. The last private Mansi reindeer herding farms curtailed nomad practices in 1990-s due to the collapse of the socio-economic system of the district, part of which they were. The way of life of a reindeer herder was non-prestigious and difficult for the youth who grew up in Soviet villages. Social and economic network, based on reindeer mobility, did not receive an adequate replacement in the Soviet period, mechanized personal transport is still not affordable to everybody. It turned out that even a snowmobile can provide previous coverage of the space. Vehicles generally involve completely different ways of interaction between people and space. Paradoxically, the cultural isolation of the indigenous peoples of the Severnaia Sosva (Mansi, Komi, Nenets) to the end of the twentieth century increased, although they began to live in large multiethnic villages provided with telecommunications.

Key words: reindeer herding, mobility, Mansi, Severnaia Sosva, social network, sustenance.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-39-4-104-113

REFERENCES

- Boukal T., 2011. Znachenie domashnego olenevodstva i ego ischeznoventsiia v kul'ture mansi severa Sverdlovskoi oblasti [The value of the home reindeer breeding and its disappearance in a culture of the Mansi Sverdlovsk region]. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv*, 4, Tiumen, pp. 252–255.
- Fedorova E.G., 2016. Ischezaiushchee (?) olenevodstvo [Endangered (?) reindeer husbandry]. *Radlovskii sbornik. Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2015 g.*, St. Petersburg, pp. 306–313.
- Golovnev A.V., 1993. *Istoricheskaia tipologiya khoziaistva narodov Severo-Zapadnoi Sibiri* [Historical typology the economy of peoples of the North-Western Siberia], Novosibirsk, 204 p.
- Golovnev A.V., 2004. *Kochevnikhi tundry: Nentsy i ikh folklor* [Nomads of the tundra: The Nenets and their folklore], Ekaterinburg: UrO RAN, 344 p.
- Gofman E.K., 1856. *Severnyi Ural i beregovoi khrebet Pai-Khoi: Issledovaniia ekspeditsii Russkogo geograficheskogo obshchestva v 1847, 1848 i 1850 gg.* [The North Ural and the coastal ridge Pai-Khoi: Research the expedition of the Russian geographical society in 1847, 1848 and 1850], vol. 2, St. Petersburg, 376 p.
- Ingold T., 2000. *The Perception of the Environment: Essays in Livelihood, Dwelling and Skill*, London and New York: Routledge, 465 p.
- Kuklin S.A., 1927. V verkhov'iakh rek Kondy i Severnoi Sos'vy: (Po materialam V.V. Vasil'eva) [In the upper reaches of the Konda and North Sosva: (Materials V.V. Vasiliev)]. *Ural'skii okhotnik*, no. 3, pp. 19–25.
- Kuklin S.A., 1938. *Zveri i ptitsy Urala i okhota na nikh* [Animals and birds of the Ural and hunting for them]. Sverdlovsk, 240 p.
- Kuznetsov N.I., 1888. *Priroda i zhiteli vostochnogo sklona Severnogo Urala* [Nature and the inhabitants of the Eastern slope of the Northern Ural], St. Petersburg, 24 p.
- Liskevich N.A., Shubnitsyna E.I., 2012. K voprosu o marshrutakh kochevaniia olenevodov ural'skogo severa v XIX — pervoi polovine XX v. [About the routes of nomadic herders the North Ural in XIX — first half of XX century]. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii*, no. 4 (19), pp. 106–117.
- Lukina N.V., Ryndina O.M., 1987, (ed.). *Istochniki po etnografii Zapadnoi Sibiri* [Sources on Ethnography of Western Siberia], Tomsk: Izd-vo TGU, 284 p.
- Perevalova E.V., 2004. *Severnye khanty: Etnicheskaya istoriya* [Northern Khanty: Ethnic history], Ekaterinburg: UrO RAN, 414 p.
- Pika A.I., 1982. *Sos'vinskii mansi kak etnosotsial'naya obshchnost' (XVII–XX vv.)* [Sosva Mansi as the ethno-social community (XVII–XX centuries)]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 21 p.
- Povod N.A., 2006. *Komi Severnogo Zaural'ia (XIX — pervaya chetvert' XX v.)* [Komi of Northern Ural (XIX — first quarter XX century)], Novosibirsk: Nauka, 272 p.
- Sokolova Z.P., 1979. Liapinsko-sos'vinskaya gruppa mansi po materialam brachnykh svyazei v XVIII–XIX vv. [Lyapin-Sosva Mansi group according to the materials of conjugal relations in the XVIII–XIX centuries]. *Istoriia, arkhologiya i etnografiia Sibiri*, Tomsk, pp. 112–130.
- Sokolova Z.P., 1983. *Sotsial'naya organizatsiia khantov i mansi v XVIII–XIX vv.: Problemy roda i fratirii* [Social organization of the Khanty and Mansi in the XVIII–XIX centuries: Problems of the kind and fratirie], Moscow: Nauka, 319 p.
- Strazhevskii, 1835. Otchet deistvii Severnoi Gornoi Ekspeditsii za 1834 godu [Report of the North Mountain Expedition in 1834]. *Gornyi zhurnal*, 1835, part 3, book 8, pp. 201–236.
- Urry J., 2012. *Mobil'nosti* [Mobilities], Moscow: Praksis, 2012, 576 p.
- Varsanof'eva V.A., 1929. Geograficheskii ocherk basseina Un'i (okonchanie) [Geographical essay of basin Un'ya river (completion)]. *Severnaia Aziia*, no. 4 (28), pp. 90–107.